

*Письмо нашего читателя
Марата Кепчерова редакция решила
привести полностью*

Отвечаю за Васю!

170

Я не писатель, поэтому лицо в этом литературном споре незаинтересованное. Я – читатель. Один из тех, для кого вы, писатели, пишете свои книги. Мне в этом году исполнится пятьдесят. Не знаю, что сейчас читают молодые (скорее всего, ничего), но люди моего поколения воспитаны на классических образцах русской и зарубежной литературы. Помню, прежде чем открыть вожделенный томик, надо было ещё выстоять зигзагообразную очередь с талончиком на подписные издания. То есть физически доказать свою любовь к художественному слову!

К чему я это говорю? К тому, чтобы Натан Моисеевич понял, что сказанное ниже исходит от вполне образованного человека, разбирающегося в литературе.

Кстати говоря, о существовании вас я узнал только благодаря Васе Татарскому. Это одно из предназначений критики. А её у нас в Казани до Васи вообще не было. Отдельные хвалебные статейки в журналах не в счёт. Эти восторги гроша ломаного не стоят. Второе предназначение – погладить против шерсти. Пощипать! Иначе, какая же это критика?!

Можно соглашаться или не соглашаться с критиком Васей, но, надо признать, удар вы не держите. Ваша проза полна изъянов, к которым можно прицепиться. Что нелюбимый вами критик и сделал. Зачем давать повод?

В одном вы правы, когда объясняете манеру Васи Татарского изъясняться: «При этом ставится задача: сделать это не скромно и буднично, а ярко и остро, чтобы неповадно было!»

Похоже, сами того не ведая, вы раскрываете свой внутренний мир – писать «скромно и буднично», то есть «скучно». А вот «ярко и остро» это не ваше.

Вася именно «ярко и остро» прошёлся по вашим рассказам, чем думаю, «прославил» ваше имя на всю республику. Критику наш читатель любит. Корни литературной критики, наверное, надо искать в острых эпиграммах Пушкина.

Скажу вам как читатель, осиливший вашу книгу, ваши рассказы изобилуют явными нелепицами, неграмотными выражениями, и что самое главное, они не увлекают.

Вы обиделись на Васю? Но за что? За то, что плохо пишете?

Непонятно мне и ваше желание разузнать, кто же скрывается за этим именем? Неужели непонятно, кто? Редакция во главе с главным редактором! Хотя, вполне может быть, что главред заказывает материал кому-то на сторону.

Помните в своё время не давал покоя казанским краеведам и писателям Лев Жаржевский, который, кстати, тоже «скрывался» за псевдонимом сначала Ида Шнеерсон, Генрих Клепацкий, а затем Дикобр Бобровский? Думаете от страха? Да нет, просто такова традиция русской литературы. Почему Чехов подписывал

Марат Кепчеров

свои юморески и фельетоны Антошей Чехонте и «Человеком без селезёнки»?

На ум ещё приходит злой на язык балаганный Петрушка. Или ехидный старик Шомбай из татарского фольклора, который прописался на страницах журнала «Чаян». Кто за ним стоит, за его критикой? Конечно, редакция. Хотя она может и заявлять, что не согласна с его мнением. Шомбай – это тот же Петрушка или дурачок при царе, которому было позволительно всё!

Почему Крылов свои басни, которые по тем временам были довольно смелыми и читатель сразу же понимал, на кого намекает автор, подписывал своим именем только наоборот – Нави Вольтер? Подумайте, Натан Моисеевич, на досуге.

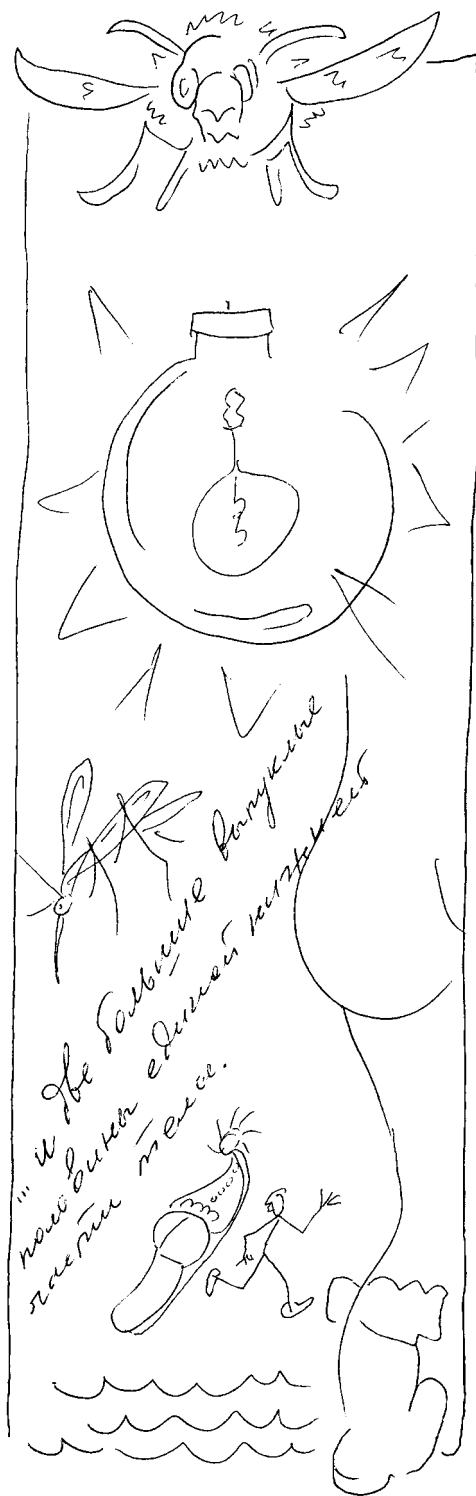
Ну, хорошо, допустим, вы узнали, что Васю Татарского на самом деле зовут Марк Иванович Ветроудуй! Вам от этого станет легче?

Рождение Васи Татарского на страницах «Казанского альманаха» – это творческий акт творческих людей. Они его сочинили! Насколько мне известно, коллективный псевдоним называется *койноним*. Яркий пример тому – Козьма Прутков, которого совместно придумали Алексей Толстой и братья Жемчужниковы. Сатирические стихи Козьмы высмеивали умственный застой, пародировали тупость чиновников и т. д. И тоже находились такие же обиженные, как и вы, которые вопрошали: «А кто сей пасквильщик? Подать его сюда!»

Вы сетуете, что из контекста рассказов были вырваны цитаты. А как же иначе? Прикажите приводить весь рассказ целиком?

Вы обвиняете Васю в незнании Фрейда! Но ведь Вася говорит совсем о другом. О вашем неумении писать рассказы. В том числе и на тему подсознательного.

Вот вы, например, приводите в свою защиту словарь, где говорится что клацают языком. Опросите хотя бы своих студентов, что они думают по этому поводу? Уверен, сто человек из ста, скажут, что клацать можно только зубами, а языком – лизать! Почему?

Всё очень просто, даже человек не пишущий, услышит в этом слове звуки «ц-ц», которые не способен извлекать мягкий язык, а только зубы! Клацают от страха и холода, ещё от злобы. Раз вы писатель, то это должны слышать. А что словарь? Значит, он ошибается или устарел. Сердце своё надо слушать, а не словари, уважаемый Натан Моисеевич! Наберите в Интернете «клацать» и там сразу выйдет:

КЛАЦАТЬ

1. Постукивать, лязгать.

К. зубами...

Недавно на литкружке, который иногда посещаю, я обратил внимание одного молодого прозаика на употреблённое им слово «отроковица», то есть отрок в женском роде. На что он мне Пушкина привёл:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы...

гл. III, XII Онегин

И что же? В контексте «Онегина» – это приемлемо. А вот в современном рассказе смотрится неким словесным уродцем.

Я это к тому, что при желании всё можно объяснить и оправдать, а рассказ от этого лучше не станет. Случайные неточные слова будут выпадать из текста!

Особенно хорошо у вас получилось с тапкой. Меня это восхитило! Вася верно подметил, что зверский удар тапочкой нанести невозможно. «Зверский» здесь уж явно перебор!

Проблема в том, что вы, как писатель, не чувствуете слов, их эмоционального содержания. Вы приводите во своё спасение выдержку из пособия по каратэ. Это смешно. Если бы ваш герой, который лупит шершня тапкой, был мастером боевых искусств киокушинкай, тогда другое дело. Но он у вас обычный человек со средними физическими возможностями и поэтому тапочкой способен только прихлопнуть, прибить, размазать по стенке. Но вы выбрали самое неудачное прилагательное «зверский», да к тому же ещё и оправдываетесь.

Если бы даже каратист убивал шершня тапочкой, то удар его можно было бы назвать не «зверским», а точным и изящным. А зверский удар можно нанести лопатой по безоружному человеку. Ещё медведь может лапой «зверски» погладить.

Теперь по поводу того, может ли упасть тельце шершня грузно, как это сказано у вас. Конечно, не может. Прежде всего потому что сам автор употребляет слово «тельце», то есть уменьшительное к существительному «тело». Тело, если оно полное, дебелое, то да, свалится грузно, а вот тельце – нет, оно упадёт тихо как жёлтый лист!

Вася Татарский подцепил в вашем рассказе такую фразу: «Глаза закрываются на этот запах». Когда человек нюхает цветок, он закрывает глаза от наслаждения. От вони глаза тоже закрываются – жмурятся. Но не «на», а «от». У Высоцкого как раз всё понятно, там: «...дышим смрадом болот / Но глаза закрываем на запах». Солдаты ползут вперёд – на Запад. Им нет дела до смрада. А у вас просто неверно сказано! Неужели вы этого сами не видите?

И потом, я заметил, для контраста вы избрали тактику, когда «все средства хороши». Обложились какими-то устаревшими словарями сталинской поры, пособием по восточному единоборству. Вот, подвернулся под руку песенник, и это сгодится!

И совсем уж не стоило отстаивать свою правоту в случае с фразой «Комары острыми хоботками, раздвигая слои мягких тканей, пытались...» Неужели вы сами не чувствуете, как это неверно, коряво и глупо сказано?!

Потом я заметил, что вы далеко не все цитаты, вытасченные из ваших рассказов Васей «оправдываете» в своём послании. Видимо, не нашлось словарей!

Примеры:

«От непроходимости плафона шершень жужжал, изгибал свой большой хвост и нащупывал выдвигающимся чёрным жалом мягкое место на поверхности стекла». Вася вам резонно замечает: «Впервые слышу, чтобы у плафона была «проходимость», а у стекла – «мягкое место!»»

«Она (кошка – прим. ред.) бросилась на мои ноги головой вперёд и тёрлась, тёрлась, тёрлась о грязные ботинки и пыльные края брюк, желая втереться всем своим телом в голени моих ног». «Ух ты!» – это уже я восклицаю.

«Он начинает склоняться над женщиной и медленно опускается ей на ноги, чувствуя, как касается её тела, грудью и животом он ощущает её спину и две большие выпуклые половины единой нижней части тела». «Боже, что это за «две большие выпуклые половины единой нижней части тела»? Неужели обычная задница?!» – хохочет Вася и я вместе с ним. Почему вы, Натан Моисеевич, молчите, ничего не говорите в защиту этих своих нелепиц?

Думаю, это и есть «перлы». Самые настоящие!

Вы пытаетесь объяснить Васин интерес к вашему творчеству завистью. Но, извините, чему тут завидовать? Разве всему этому можно завидовать?

В конце своего опуса вы пишете, что «После прямых попыток унижить и оскорбить автора, Васю настолько заносит, что он уже ощущает себя Богом, определяющим назначение людей (кому дано заниматься литературой, а кому – нет). Он указывает: не следует издавать литературные книжки учёным, медикам, педагогам, ибо они выставляют их на посмешище... Похоже у Васи от зависти к творческим людям со специальным высшим образованием совсем крышу снесло».

Я, как ушлый читатель, не поленился и посмотрел в оригинале у Васи Татарского, что же так разозлило Натана Солодуху. Там иначе:

«Больно смотреть на уважаемых людей, которые, забыв об истинном своём предназначении на поприще науки, медицины, педагогики, возомнив себя писателями, издают книжки и выставляются на посмешище. Конечно, графомания законом не запрещена...»

Вася никому не указывает. И никаким Богом он себя не возомнил. Ему больно, он сопереживает.

И ещё. «Текст – вот то единственное, что может возвеличить либо низвергнуть автора». С этим высказыванием В. Татарского критикуемый Натан Солодуха согласился и привёл целый столбец сайтов, где можно приобщиться к его творчеству. Я послушно заглянул во все. Ничего сногшибательного не разыскал. Был удручён. Зато наткнулся на одно забавное стихотворение, последним четверостишием которого мне захотелось закончить своё письмо:

Об этом можно думать до утра,
Но чтобы, как Ван-Гог, себе не срезать ухо,
Я чувствую – заканчивать пора.
И режу я свой стих
Эн – точка – Солодухо.

Казанский любитель литературы
Марат Кепчеров